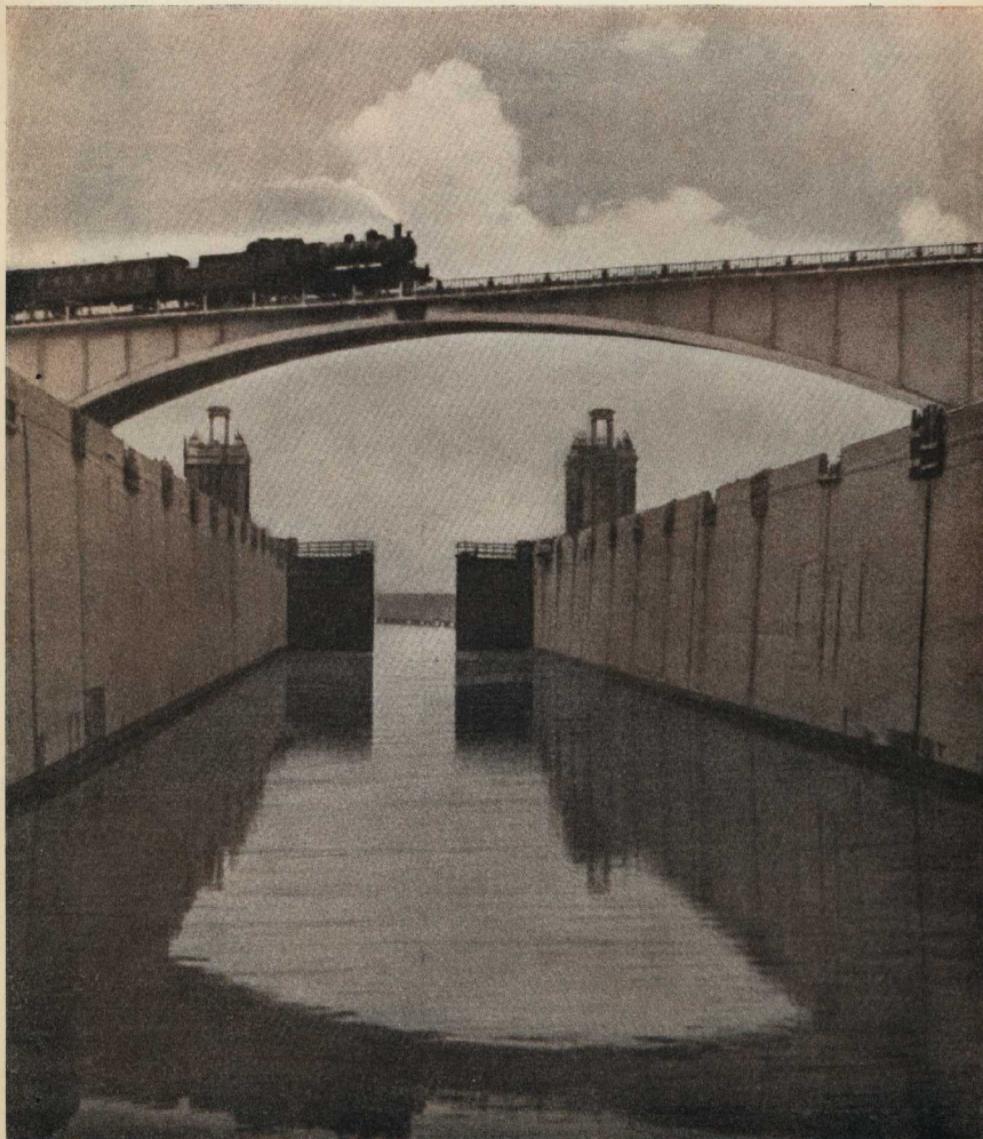

Смена

5

издательство ЦК ВЛКСМ "Правда"

СЛОВАРЬ читателя СМОНДИ!

На канале Волга — Москва.
Вид на Химкинское водохранилище и шоссейный мост.

КАНАЛ

Строительство каналов известно еще со времен глубокой древности. В семнадцатых годах нашей эры в Китае был построен огромный канал, соединявший реки Янцзы и Кай-Чуань. Длина Белого и Желтого Давна этого канала — около 500 километров.

В 1869 году был построен Суэйский канал, соединяющий Средиземное море с Каспийским. Длина его — 164 километра.

Очень характерной является история Панамского канала, созданного Американским океаном с Тихим (длина — 81 километр). Собственно этого канала, длине которого перекрыты 11 лет (1903—1914), было ознаменовано крупнейшими финансами скандалами,

утроманными аферами и прочими махинациями. Отсюда между прочим, в произношении слова «канал», обозначающее тендеро-мощенничество, аферу, уголовное преступление.

Крупные морские джунгли пользуются своим весенным флотом для того, чтобы «запереть» на ключи и установить свое господство над мореплавателями. Так, над Суэйским каналом господствует Англия, над Панамским — Соединенные штаты Америки. Впрочем, господство Англии не помещало фашистской Италии во время ее разбойничьей войны с Абиссинией перебрасываться через Суэйский канал транспортом с оружием.

В России сооружение каналов начато еще при Петре I (XVII столетие). В это же время была заложена знаменитая Маринская система рек и каналов, соединившая водные бассейны Волги и Невы, а после реконструкции — Каспийское море с Балтийским. Однако строительство канала в царской России не получило результата.

Сооруженный в СССР Беломорско-Балтийский канал имени товарища Сталина соединяет два моря — Белое и Балтийское. Длина Беломорско-Балтийского канала — 227 километров.

Заканчивающийся в эти дни канал Бала — Москва, представляется собой величественное гидротехническое сооружение, простирающееся на 300 километров.

Постройка Волго-Донского канала соединит Волгу с Доном, а с Азовским и Чёрным морями. В результате осуществления этого грандиозного плана, захватывающего творческим духом всю Россию, Белого, Балтийского, Каспийского, Азовского и Чёрного. В любом из этих морей можно будет поплыть, не сходя с парохода, который отчалил от пристани московского порта.

ЛАУРЕАТ

В связи с блестящим успехом молодых советских писателей и скрипачей заграницы, на международных конкурсах, слово «лауреат» стало за последние времена чисто русским словом для заграницы. В данном переводе это слово означает увеличенный авария. В древнем Риме лучшие певцы, художники, поэты — «любимцы муз» — торжественно увеличивались венком из вечнозеленых лавров.

В настоящее время это звание присваивается главным образом победителям на всяких рода конкурсах, имеющих непосредственное

и называемые победителями, получают вместе с традиционным венком кубок.

Погоня за званием лауреата в капиталистических странах необычайна. Писатели или артисты, завоевавшие звание, получают сразу выигрышные подложения, деньги, контракты. Книги лауреатов, награжденных литературными премиями, учрежденными во Франции, выходят с особой цветной лентой поверх обложки; на аспите крупными буквами значится: автор удостоен такой-то премии.

Для капиталистических стран характерна ожесточеннейшая кон-

Советские скрипачи, участники первого всесоюзного конкурса скрипачей имени И.С. Стравинского: Борис Годольфский, Давид Ойстрах, Марина Ковалевская, ежегодникатор А.Дьяков, Альберт Гильельс, Миша Фихтенбаум и член жюри конкурса профессор Мюкковской консерватории А.Ямпольский.

отношение к литературе и искусству.

Хотя слово это превратилось уже в символическое понятие, но сама церемония награждения или «увенчания» венком лауреата нередко совершается на Западе и сейчас. Так например наш лауреат на международном шашечном турнире в Варшаве. Иногда же венок награждены серебряным венком. Серебро — же венчик, не использующий материалов, как и лавр, и он более по духу современных капиталистических судей для искусства. Лауреаты спорта, имеющие просто рекордсменами

конкурсы в области искусства. Тем более замечательны успехи наших писателей и скрипачей, которые сумели завоевать звание лауреата международных конкурсов.

В нашей стране, где любому молодому дарованию обещены условия для всестороннего развития, само по себе звание лауреата имеет значение для каждого из нас, и капиталистических странах: оно является орудием расправы над противниками. Звание лауреата у нас — это стимул нового творческого роста артиста и показатель общего подъема культуры в нашей стране.

«ТРЕТЬЯ ИМПЕРИЯ»

Накануне демагогического лозунга германского фашизма, на всеми «программными» его выступлениями обычно корюкуется одна и та же вывеска — «Третья империя».

Откуда возник самый термин «третья империя», и что он обозначает?

«Теоретики» германского фашизма следующим образом определяют родословную «третьей империи» германской истории: империя Карла Великого, «торада» императора Вильгельма I и, наконец, «третья» — это национал-социалистская германская империя, за «белые» и «мощь» которой развернула борьбу германский фашизм против своего призыва власти.

Даже при белом взгляде на «следы» фашистской «третьей империи» становится ясен не только демагогический характер этого лозунга, но и его откровенно

захватническая, шовинистическая сущность.

Карл Великий (742—814), король франков с 768 года — римский император с 800 до 814 года. Он является создателем огромной империи в Западной Европе, включавшей в себя Францию, Испанию, Пиренейский полуостров, Италию, Германию, Балтийское, Каспийское, Азовское и Чёрное.

Бисмарк (1815—1898) — один из крупнейших будущих государственных деятелей, прозванный за непреклонную жестокость в достоянии «железной воли». Бисмарк, начиная с расчетов «зеленых капитоцлеров», Бисмарк в интересах своей политики, направленной к укреплению и расширению мощи германской буржуазии, спровоцировал началу войны с Австро-Венгрией в 1866 году, а затем — с Францией в 1870—1871 годах.

Совершенно ясно, что гер- манские фашисты в своих выступлениях перед массами подчеркивали и подчеркивают, однако, не это открытое захватническую и кровавую сущность «третьей империи», а ее внешний вид.

Выступая перед националистически настроенной малоизоброженной аудиторией, они рисовали картины белой мации империалистической Германии и обещали, что все это возродится в еще большей степени в «новой Германии».

Фашисты подали и низко обмыли труды народа, германской рабочей массы, подавили ее права для привлечения кораблей, для магнатов крупного капитала, для Круппов, Тесленов, Борзигов. Во имя их интересов Германия проводит сейчас свои бешеные вооружения. Во имя интересов этой группы некоронованных королей воинский блеск германской Германии составляет по величине деяниям, около 12 ми-

лиардов марок. Под знаменем «третьей империи» вооруженные германские части — отряды фашистских нацистов — являются сейчас символом исполненного народа, поклоняясь на его независимость, свободу и достоинство.

Что касается малого буржуазного крестьянства, городского ремесленничества, безработной интеллигенции, т. е. всех тех, к кому обращается германский фашизм с своей демагогией, то они на собственном опыте убедились, что, живя в «третьей империи», они попросту находятся во власти ищущих головы, разорения.

Царство террора и инициатики, насилия и крови, эксплуатации и издевательства над трудящимися, очи воинских столкновений, воинствующего нацизма — это что представляется собой на деле так называемая «стремя империя» германских фашистов.

Журнал
рабочей молодежи
Орган ЦК и МК ВЛКСМ

Смена

Май 1937 года
Номер пятый
Год издания XIV

СЛАВА ГЕРОЯМ, ВОДРУЗИВШИМ ФЛАГ СОВЕТОВ НА СЕВЕРНОМ ПОЛЮСЕ!

21 мая, в 11 час. 35 мин., Герой Советского союза М. В. Водопьянов произвел посадку на Северном полюсе самолета «СССР Н-170». На лыдни высадились тринадцать отважных полярников, членов советской полюсной экспедиции, возглавляемой академиком Ю. Ю. Шмидтом.

Болельщики взволнованы Северным полюсом.

Многотысячный советский молодежь шлет горячий привет и поздравления героям полюса.

На снимке: Герой Советского союза М. В. Водопьянов возве флагманского корабля экспедиции «СССР Н-170» перед вылетом из Москвы.

(Фото Морозова.)

Юмено

Шестьсот японских рыбаков, возвращаясь домой с концессионной Камчатке, заставили капитана парохода в год при разводе. Извини они не только ничего не получали, но оказывались еще долгодержателями компании. На этот раз они решили потребовать расчета во Владивостоке. Ночью, засхватив капитана и старшего помощника, они предложили им идти на Владивосток.

Все нальбы были полны вымешанных им трюмов рыболовов. Капитан посмотрел на небо, на море, на лице рыбаков и приказал перенести курс.

Когда «Хозан-мару» бросил якорь во владивостокском порту, на пароходе лежали секретари, консультанты господина Ямагучи. Он удобно уселся за стол в каюте компании, привал рыбаков и подробно расспросил о всех злоуполучениях.

В каюте побывали рыбаков доцтока. Эиро, средний рыбак, растроенный вниманием высокого чиновника, рассказал, как произошел захват парохода. Но они вышли из трюмов и нижних палуб, постучались к капитану спущеными машинами отделением, подождав к штурману на вахте, окруженному штурманщиками... Капитан и офицеры даже не пробовали побегать к оружью.

— Очень хорошо,—ободрила Ямагучи,—ночью вышли из трюмов! Организованно!.. Молодцы!

В течение последующих дней на пароходе крутяме сути находились между собой и сотрудниками и давали рыбакам пояснения. Рыбаки чувствовали себя виновными и смиренными, а чиновники умны напашали. Расчеты закончились быстрой, были выполнены все пункты договора, и рыбаки штурмом дентами, запиная их в журту.

Накануне отплытия на родину Юмено долго стоял на палубе. Вот она, советская земля, которая так часто мерещилась ему за склонами и туманами Камчатки.

По виду все было вспомогательным, другим городом. Рекут воду пароходы и пароходы спят пароходы. Их грустные лица, покрытые редкими телами волчков, несутся грузовыми, торчат разночинные, торчат прохожие, машины лежат рыбьи, скисшие ноги с туфяками.

День кончился. Солнце скрылось, и над городом и бухтой пылали оранжевые и красные тучи...

Что ждет на родине шестьсот рыбаков, вступивших в профсоюз и подавших заявление об отставке?

Судя по вниманию к болтовне господина Ямагучи, по быстроте, с которой компания пропищала расчет, ничего странного. Но можно ли доверять господину Ямагучи и компании?

Ночью «Хозан-мару» поднял якорь. Снова капитан принял командование кораблем.

Дул ветер. Береговые огни делались все мельче и мельче и пропадали. Море было темное, пропахло большой черный массой острова, маяк далеко на западе блеснул и потускнел.

С какими ударом винта Советская страна отступала, раскрылась море, приближалась родина.

Все привнес и строже делались фигуры офицеров. Рыбаки проходили мимо них сгибаясь и не глядя. На нижних палубах и в трюме собирались кучками и шептались.

Ходил капитан с портфелем. «Хозан-мару» дала два коротких гудка, третий, длинный, и высадила ход.

Был идти парусные шхуны, воду торопится каботажный пароходик. А вот высоконизан из порта два быстроходных катера наладор.

«Начинается!»— подумала Юмено.

Катера приближались. С пушек на носу сняты чехлы. Пушки блеск стояли в ярком свете, обрамленные добростью стали, пронизывающей волнистую поверхность моря. Катера описали круг и пошли рядом с «Хозан-мару». Они приближались с каждой минутой. Выкаченные в стальной цвет, длинные и узкие, они напоминали миноги. Команды в касках и сошками расположились у орудий и пускетов.

Левый подошел к «Хозан-мару» и, не останавливаясь, спустя штурм-трап. Одни из двух подошли к Ширин-мару и, не останавливаясь, растянулись и потерпеливо заструились вдоль борта. Ширин-мару повернулась, растянулась и потерпеливо заструилась вдоль борта, охватывая колымой корабль.

«Хозан-мару» бросил якорь посередине бухты.

На берегу, в распятом рассвете доносился паровозные гудки, где-то далеко грохот, взрывы. Должно быть, рвали породу. По бухте плыли катера, паскальные яхты... Вон трамвай медленно-медленно подает по горе, как жучка.

В подъезде к «Хозан-мару» причалила моторная шлюпка. Высокий тонкий господин вступил на борт. В руках у него портфель и трость, на голове котелок. Он приехал в сопровождении двух полицейских офицеров.

Господин склонился в каюте, в тесном рыбаков тихий испытывал взгляд. Он ощупывал каждого. Рыбаки отвечали: гава! господин, круг але, малянке, неприятно блестят.

Господин скрьлся в каюте. Через минуту полицейский вызвал Рыбака на отбывальную. Он прекрасно слышал свое имя, но сделала вид, что занятительно зрячим входящего в порт нового парохода.

Юмено... выкрикнул господин, оглядываясь на гладкую рыбаков.

Наконец Юмено повернулся и посмотрел на судоводителя и спокойно в лицо полнейшего. Полнейший встретился с ним взглядом и скользнула дыльце...

Юмено... Кто это? Задыхаясь, Юмено спросил. Полнейший сделал страшные глаза и крякнул. Задыхаясь, разразился сквозь несколько человек. Послышались шутливые воскликнувшие. Ощущение могущества полнейшего и господина с портфелем было разбито.

Юмено встал, потянулся и сказала:

— Это я, Юмено... что надо?

— За мн... на допрос...

— Я... дело о допрос... — небрежно сказал Юмено.— Ием!

Словесоватый склонил голову, соплом казалась, вместе с наименованием, вырезанной на дереве, картой.

Словесоватый положил ложки на стол и, приподнявшись, установил на рыбака. Он разглядывал его без звука, без движения. Так разглядывают в микроскоп, положив на стекло, редкое насекомое.

Продолжая таким образом в тайнике помыслы преступника, словесоватый вину перед ним сказала утвердительно:

— Представь! Расскажи, как ты предавал компанию, государство и императора.

Юмено молчал.

Словесоватый взглянул на кончик пера и начал писать.

Допрос был окончен.

Потом же доктором ближайших товарищей Юмено: очевидно, уже в пути кто-то сообщил имена зачинщиков.

Через час комитет занялся в тюрьму.

Юмено сидел в одиночке. Бетонный мешок. Пыльное окношко ввернуло. Шаги стоящей. Звон клячек. Два раза в день открывалася решётчатая форточка в двери и просовывалась еда: пахло проваренным рисом, кета японской засолки, горбуша, соленая и жесткая, как циновка.

Темнота... Сырость. Через две недели у Юмено распухли руки и ноги, вдругже десны.

Что происходит в мире? Мир близко, за стеной... Если иметь лом...

Юмено ходил по номере ванд и вперед по несколько часов подряд. Но это не помогало: мускулы слабели, тело становилось дряблым и вялым.

Иногда казалось, что, из-за чего он попал сюда, в этот каменный мешок, не стоит таких мучений. Эксплатация, угнетение — что это, если можно выйти из воздуха, потягнуться в утренней свежести, выплыть в бане... Намалывается так, что мыльный пузырь погибнет во все стороны.

Вот он вышел из бани. Солнце встало. Город просыпался. Полицейские стояли сонные. Женщины подметают у своих домов. А где куды? Слюноки, терпеливые птицы, которые раннее, в первом его детства, зевыми стами выпускались из костей, чтобы клювами очищать улицы?.. Нет, кур не видно. Уже давно запрещен подобный перекресток варваров.

Разглядывают стены, семья усаживаются завтракать. Димитрия рис, разливают чай.

Безумно ведут себя Юмено: за последние десять лет он никогда не ходил поглаголять утрам на базар...

А на площади торговцы уже разложили товар и почтенные горожане проносятся к нему. Рыбачьи члены на солнце. Зелень отходит вправо. Рыбаки влево.

Фокусники. Ого, сейчас начнется фокус! Погоды немного, Юмено, ты эти увидишь старинного мастера, выдумывающего легкие фигуры из яичного киселя. Ты увидишь ловчака, который с помощью веера поднимает в воздухе стадо бражманных птиц. Ты увидишь скромного художника у ящика с разноцветным писком. Вот он берет перос в алодин и, сидя на скамье, начинает нарисовать картины. И тебе захочется хлопнуть себя по ляжкам от восхищения. Всю доску горний пейзаж, будто водопад, цветет в озере лотос. Лист птицы...

А праздники?.. Сколько на земле праздников! Шествуют монахи, боги, дети, девушки...

Разве уж там важно, что тебе плачут не столько, сколько следят? Разве уж там важно, что ты не можешь есть жирно и много? Ведь ты можешь любить!

О чём ты думаешь, Юмено? Ты мог любить и не любить. Ты наслаждался и неизменно ласкал женщин...

Чтобы прогнать эти чувствований мысли, которые становились все сильнее, не мере того как слабело тело, Юмено начинял мечтать о другом...

Он изображал картины восстания и революций. Асена на матрасах, он видел народные толпы, вступающие с суммирующими рядами. Красные флаги, пустынные улицы... Полейческие отряды сидят на матрасах... Юмено видел ужас, обнаживший полицейских, потому что восставший народ проходил мимо них, не обращая внимания на выставленные дула, на при主观ных к ним пистолетчиков, потных и дрожащих. Юмено видел, как на полях полнейших вступают войска. Войска занимали позиции, перебрасывали тела на полях сражений. Короткая команда офицеров... И дальше невероятное: огромные, поднимающиеся: винстремы не раздавались: винтовки, пистолеты, орудия молчали. Гремело «бизон», войска присоединялись к народу.

Иногда дело происходило иначе. Первая воинская часть начинала разгребать трупы. Валилась женщины, мужчины, мертвые руки скимали красные знамена.

И когда уже казалось, что все кончено, раздавалась оглушительный звук, грохот, нечеловеческий рев восторга потрясал воздухом. Это восставшие войска ударили в тыл палачам.

Да, это было, возвращавшее ему силы. Тем более, что он не вымучивал их. Все это было. Войска переходили на сторону восставшего народа, уничтожили палачей. Это было и будет еще, будет по всей земле. Это приведет стражу же неизбежности, с какой рассвет наступивший в Америке, приходит по морю в Японию.

Время шло. К ходьбе по камере Юмено привыкали однажды, проносясь вдоль коридора. Две-три раза в день и поднимая себя на мускулы рук, приседая и прыгая. Но хотя сила хватала всего на два-три прыжки, они показывали сторожу склеротизированными, и заключенный был аничен на три дня обедов. Гулять не ведали. Он должен был умереть в камере, спити заживо.

Давно не шел снег. Появились легкие белые облака, потом тяжелые облака с пепельными краями, небо делалось вибрисами.

Как-то утром, принимая от сторожа пищу, Юмено бросил ее на пол и сказал глупым голосом:

— Трух!

— Что делать? — воскликнула сторож.

— Трух, трух! — удовлетворенно крикнул Юмено, растягивая пищу, потом быстрым движением протянул руку к решётке, растворяя плавцом и щелкнув сторожа в лоб.

Пораженный сторож открыл рот. Юмено сел в угол и заплакал.

Сторож со слезами надзирил о своих подозреваемых насчет здоровью арестанта.

Надзиатель отправился в камеру.

— О, моя матушка! — воскликнула с тоской Юмено, обнимая его за шею.

— Ты эти на фокус оставил! — кричал надзиатель, пытаясь выхватить ся, но цепкие худые руки держали его крепко.

Сторож схватил арестанта за плечи, уперся коленом в спину, бросил.

День прошел спокойно. Никто не подходил к камере, не приносил пищи, не наблюдал за сумасшедшем.

Однако на следующий день его повели гулять.

Юмено попал на маленький дворик, обнесенный с трех сторон склонами корпустами с четвертой стороны была стена. Посредине росла каштановая сосна.

Юмено прокрутился от запаха весны, от блеска воды, ему захотелось улечь на траву под сосновой, распластился и засыпал. И он сделал нечто before этого: встал на четырех ног и, наладив рамажание и грубые звуки, жалко запрыгал к траве и стал хватать ее ртом.

Сторож неистово закричал: трава была его гордостью. Он ударил арестанта по голове и оттащил его в сторону.

Голова Юмено кружилась от боли, запах земли, диких прыжков. Он облизывался и плакал.

Пришел в себя в камере на матрасике. Сердце колотилось, на телепространства лишил, потер, терпкий вкус распространялся по рту. Как он осадил! Как он осадил!

Но он продолжал обнимать сторожа, прилагая на четырехрёках, въять...

Он находился в камере пришел надзиатель и сторожа. Слаги с него хлест, сунул его в штаны, накинул куртку. Взяли под руки, повесели.

Куда: в болницу или, наконец, на допрос?

Его повели через коридоры, ванные комнаты с часовыми, через двери и двери к воротам.

Было темно. Тюрьма стояла на склоне склон. Ближайшие дома в полуторастах метров внизу. Светились окна, светились на дальних удачах фонари.

Сторож разжал руки и сказал:

— Иди, куда хочешь. Иди, там тебе ждет мамаша.

Всеки был соблазн: броситься в темноту, в туполи домашек, в извилистые переулки, в неверный, зыбкий, скользящий свет окон и фонарей... Он уже ощущал себя хохляном всего этого. Но он замялся, стоя на четырех рёках, вспоминая всяческие выражения страха перед пустотой, позывая наезд, в тюрьму.

Через несколько дней Юмено отправлялся в психиатрическую больницу. Начальство хотело, чтобы он умер в здравом уме: так слышали казнь.

Лечебница помещалась в роще...

Через два месяца Юмено бежал. И с этого началась его жизнепрофессиональной революции.

Это было дождливая летняя ночь. Тучи неподвижно висели над землей, десятилетие сущности и хлестали дождем. На земле бушевали потоки, вымывая овраги.

Голос одного из зданий лечебницы подымался, здание грохало рухнуть. Голоса сущности. Пронеслись ветви деревьев, ветви деревьев, ветви деревьев...

Кривляясь: помиму вспахан машинами с камнем, хвостами, песком, Ельнин... удрученные двадцативесниками лягушки, валились на матрасы.

Юмено осторожно отодвинул дверь и вышел в рощу. Его обдали потоки теплой воды, густой парной воздуха непогоды. Одевду свою он бросил в поток. Из разговоров больничного персонала он знал о белое

и прямое динушико сквозь деревьев.

У гостого обнажились здания хлопотала вода, раздавалась прики, трещаньи автомобилей, голые рабочие сбрасывали камни в землю, рывы отводили ванты.

Юмено побоялся ложиться и побоялся в камере как поссадиной по специальному делу.

В воротах бушевала ревя. Юмено вышел на улицу, погрузился до колен в воду. Винзу, под холмом, тускло светила уличная фонарица.

Привет, почта не было.

Один бомж под зонтиком, в джинсиках, другие, подобно Юмено, бежали нагишом. Никто не обращал на них внимания.

Он бежал, кричал звуком, обрываясь, обрываясь с всех сторон водой, всплывая и погружаясь в нее несравнимое счастье. Перед ним лежала жизнь борьбы и опасностей, но он точно уже осознал победу...

Рис. И. Гринштейна

КОМСОМОЛЬЧАНЕ

Сейчас это просто: курица блест в Хабаровске, сса в поезде и присадка в Комсомольске на Амуре. В окне вагона будут мелькать новосибирские здания станций, далекие скопки, то синие, то алюминевые, то зеленые. И пассажир, сладкий в самой молодой город Советского союза — Комсомольск на Амуре, — может быть, и не вспомнит, что нынче его лежит внизу сплошной болота, через занеметные ветра еще непроходимые, тянувшиеся на десятки километров таежными морями.

Сейчас это просто: поезд подойдет к станции, пассажиры сойдут на перрон и, может быть, даже сидут в машинах. Что ж, теперь Комсомольск на Амуре — город, «столица белородчанской» соединяющей в несколько побегах и вспышках постепенно исчезающее название: «Аварийный», «Брускатый», «Пожарный», но уже настоящий город, со многими каменными домами, школами, заводами, кафе, магазинами, автомобилями на улицах и семьюдесятью тысячами жителей.

Не так просто отыскать старожилов Комсомольска среди этих семидесяти тысяч. Из немногих звонят на звонок «старожилами». Еще бы! Самые стальные жители Комсомольска они принял сюда, когда на месте города шумела дикая тайга, по которой, ломая ветки, разгуливали медведи, мчались быстрононгие олени, скучали кругом стан волков. Вот уже не раз прошло за это время.

Пять даниных лет! Сколько событий произошло за это время в жизни каждого из «старичков»-комсомольчан! Кто в армии побывал, кто в первом сибирском институте, кто жизнью обзавелся семьей и живет теперь в отдельной квартире нового дома, кто закончил разборку и в свободное от работы время занимается, чтобы сдать экстерном курс технического вуза... Прошлое вспоминается нечестно. Но каждый раз, когда поднимается ветер с Амура, все тот же резий, пронисшийся с собой запах глухой, суровой тайги не-

тер, — встает в памяти начало жизни в этом краю.

— Да, есть о чем вспомнить! — говорит Андрей Гаменев, брандир-плотник, известный всему Комсомольску.

После работы встречаются в уютной квартире Гаменова «старички» Смородов, Кухарский и др.

Нет, это не «вечер воспоминаний»: просто сопаски люди, чтобы поговорить, срашиваются, что было в те годы, увидеть, насколько широка была Россия в них.

Это было 10 мая 1932 года. Ранним утром пароход «Колымб» пристал к берегу и первые сотни комсомольцев сошли на землю. Они привезли с собой печимый хлеб, кипарчи, гравли, пильмы, топоры, кинжалы. Быстро сняли пароход, они раскинули пластики. А спустя несколько дней под удачливое крики спутников птиц в темной тайге встали на торопы.

В те суровые дни быстро выяснились настоящие качества каждого. Испытания начались сразу. На двенадцатый день неожиданно пришла вода. Сначала дождь, потом сильный дождь, а потом, когда вода поднялась, — сильный потоп. У многих не было теплой одежды. Постелей тоже не было — спали на тонких соломенных матрасиках. А стужа навалилась внезапно: еще вчера индига не мог предвидеть ее.

Вечером, когда снесла пастака, замая, на которой находилась палатка, превратилась в горячую болотную пальму. Обитатели палаток умело взбирались на мокрое дерево, на развороченные бурей пни, и слабые сказали:

— Захали к чорту на кулички... И куда посыпали нас?

Затем раздались и такие слова:

— Плевали нам! И такие слова:

— Плевали нам!

Около некоторых палаток, помимо подозрительного вида наизмы, жирто подмигивая,

они брались за полторы тысячи рублей прости тайго прямо к Хабаровску каждого, кто поклялся бежать. По ночам, когда лагерь спал, они приносили спирт.

Беря, — шептали они, — полтораста рублей бутылки дешевле тут не достанешь!

Под утро хмуря тайга оглашалась пьяными песнями.

Начальники строительства вызывали к себе в барах пропагандистов.

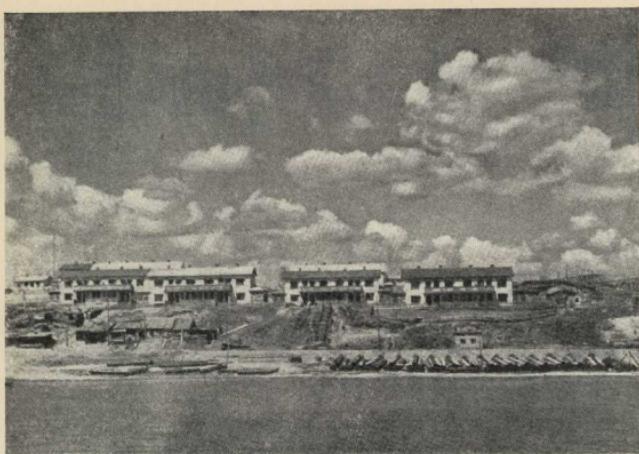
— Вы босики, а не рабочи! — кричал он, глядя на них с ненавистью воспаленными глазами; и, чтобы он задыхалась в кандалах.

Но они продолжали отрываться в палатах. Одни пели тоскливо, иудаинские песни, другие, забывши в углу, писали чувствительные стихи.

Но оставшиеся — их было больше — не смыслили, что все это было для них просто разработкой. Они — молодые, хмурые от тягот и напряжения, они с рассветом уходили в тайгу и деловито, азартно рубили деревья, рвали канавы для стока веших вод, бегущих с сопок, были приходящими на свет звери. И они тоже часто склонялись полузадыхающими, потому что подвозд продукты были на ходу. Но они не пели уныльные песни, писали чувствительные стихи, не задыхались в кандалах. Приятно после работы в палатку, они выпивали по кружке горячей воды, закусывали куском хлеба и укладывались спать. А ранним утром, вооружившись топорами и лопатами, возвращались в лес.

— Ну, а что чудной народ! — презрительно говорили они над бездышальщиками. — Им бы лишь топор в руки. Где им понять красоту жизни, романтики?

И действительно, этим молчаливым парням была исполнена «красота жизни», которую вели не вспоминали из палаток. В ту пору, когда было много места, даже в окрестях и в просторе за будущий комсомольского города, когда земляла и ноги голыми рукими разрывать землю и открыть присевшие к ней корневища тяжких деревьев

ев, сочинители чувствительных стихов вымогали не санкцию прокуратуры...

Пришло 15 июля. На официонном мосте был построен лесозавод, и впервые над тайбай протяжно заревел первый гудок. Тут сердца строителей напоминались огромной, непереводимой радостью. Среди них не было поклонников в этой роли, учитывая, что в них писали стихи и поздравляли. После этого первого гудка ветеранами было счастье первой победы!

Потом наступила зима. Она принесла новые лихолетия. Инимы комсомольцы, жители южных городов, никогда не видели, не знали настоящих морозов. Илья и другие члены музея ходили в сапогах. Затем на ударили мороз в 45°.

И все-таки работа продолжалась. Строители прорызались сквозь пругу и бурами. Иной раз асфальт падал замерзто, тогда люди впрыгивались в сани и везли на себе лес для постройки своего города. Они должны были построить этот город во что бы то ни стало, этого требовало никоему, ленинский комсомол, вся страна.

Весна в тайге пришла не сразу: сперва потемнели снега и кое-где с сопок побежали ручейки; потом примчались весясные птички барабаны; наконец, на Амуре загрохотала треснувшая ледяная стрела с громким хлопком — «Бисса!»

Вскоре Амур очистился от льда и в апреле распросстраивался сухим о том, что надвигается первый пароход. На берегу установили деревянную избушку, ободранную зимним ветром, люди ждали парохода с нетерпением. Когда на реке появился дафиний ледяной, все бездельники сбежались за берег.

Пароход пришвартовалась, но пиши на нем не оказалось. Сомнений не было: его грузила вредительская рука...

Но и это сломило комсомольчан.

— А ты помнишь, как мы на охоту ходили? — прыгнул через стол Смородов Андрей Гаменюк. — Тенько как-то некогда...

— Это был У тайги горячий ледяной: как никак — чисто прозрачный! У меня рабфак да всякие нагрудки... Времени малоато...

— А помнишь пластики? На каждой висел пластики: «Москва», «Харьков», «Магнитогорск»...

— Да, было время...

И потому, что здесь было пережито много тяжелых дней, для Гаменюка, для Смородова, Кукарского и других старожилов Комсомольска — самый лучший, самый родной город. Куда бы ни уехали они из Комсомольска: в Москву, Ленинград, Киев, в курорт, — все равно — тепло и обретено.

Ходили по широким, склоненным улицам Москвы или Ленинграда и думали:

«А как там наш Комсомольск поживает? Принес ли туда уже весна? Или снегок еще лежит? Нет, нельзя нам не любить Комсомольск!»

Именно нельзя! Эти люди целиком отдали

Всего пять лет назад в этом крае не было ни одного человека. Теперь на далекой окраине советской земли, вдоль берегов широкого Амура, вспыхнул город юности — Комсомольск на Амуре.

Гиантские молодые города торят весело, ярко, и пассажиры, слушающие в поезде по новой ветке через тайгу, видят их издали.

Они молодою города торят весело, ярко, и пассажиры, слушающие в поезде по новой ветке через тайгу, видят их издали.

себя молодому городу. В тяжелые времена никогда не оставляли они работу. На своих плечах вынесли тяготы суровой борьбы с темной природой, и сейчас вы не найдете ни одного здания в Комсомольске, к которому не прикоснулся бы их руки.

— Все строим мы! — с гордостью говорят

Все потому хотят Комсомольска, рассказывают о любви к своему городу, часто прибавляют для большей ясности:

— Любим сто, как наши «старички».

Это значит — от всего сердца.

Крепкая дружба связывает комсомольчан с бойцами и комсомолицами Особой краснознаменной Дальневосточной Красной армии. На снимке: милицы Советского союза тов. Блюхер во время рабочих ОКДВА дает обложки гостям: крайний справа — знамятый строитель Комсомольска на Амуре гов. Смородов.

— У-у, дихай! — сказала мать с гордостью.

Задыхали ламмы, и все сели за стол, не без спора поделив между собой коммандиры. Запустили разговоры. Со всех углов посыпалась тосты со боевыми пограничниками, Танака, за хозяйку.

Лихому наследнику Коржу не сиделось на месте. Он был из той самой породы, что любят кочевники: прыгучий, проворный, дерзкая и дерзкая не смотря. Едва успел заметить лицу племени, он выскочил на двор помогать стурхам. Вседа за них отпрыгивали братья Айтаковы, племетники Эзмин и холхонские молодежи. Не прошло и минуты, как оттуда понеслось хлопанье ладоней и дробный треск кабуков. А когда стали обносить гостей слова и Пилиленко вышел на двор собирать гостей, к бойцам уже наевшаяся боялась подступиться.

Офицер холхончий толстой, на скамейке стоял племетник Эзмин и Корж.

Отравист покряхивая гармонь, и огромный Эзмин, напуганный Коржу, гудел:

«Говорят, что под сююно

Засвистит раки».

Удивленно ахала гармонь, и Корж отвечал, не моргнув даже бровью:

«Собираюсь раз весною

Взять Сибирь Араки.

Подавнаис пе чо маочай,

Околеа в воротах.

Не слыхаи вы случайно,

Где теперь Хирата?»

— Убройтесь воспоси от советского добра, — начал Корж и вдруг опустил руки. Гармонь вздохнула совсем по-человечески, жалобно.

— Даешь дальше! — кричали становище во дворе и за паствином.

— Рифма не позволяет...

— Ну, годы, — обнявши Пилиленко и, бесцеремонно растолкал круг, увела первцов в хату.

Между тем ведра опустели. Разговор становился общим. Со всех сторон постепенно разнес замечания о японских генералах.

Гордые молодые, но и старики подбрасывали в печку соломку. Под соломой, точно под пеплом, жарко сиялась певчий к японской войске.

Вспомнил николаевскую Баню, и прикали Ой-ся, и любимую парижанскую тему — японских часовых, украденных в десять однажды, — и перешел, наконец, к последним событиям.

Дергалась упорный слух, что в Монголии наша могла целый японский полк, и хотя точно еще ничего не было известно, каждый спешно вспоминал свое мнение о бое...

— Кажутся, пятьдесят самолетов было, — сказал ледка Гарбуз, — таке кромешно зробили... Их ахидер, де кобманчай ...

— Яин же? То же була автогонка.

— Ихай даине тани.

— Расчет у них был такой: перевезуть путь на Кяхту, разрубить Чуйский тракт, а затем...

— А какжут, из монгольские конники порубали.

— Затем, обеспечив левый фланг, иди к Забайкалью. Помните морандум Танака?

— Ах, морандум... Куронатгинэ нет!

Начали вспоминать прошлые. Не было в хате кущевца, у которого интересны не изрубали, не спустят бы под лед близкого человека.

Кто то заметил:

— Быстро бы многое вспомнили...

Все отвалились на однородного молчалового человека, стоявшего возле печи. Страшна была судьба этого человека: из его глазах сожгли брат, изнасиловали беременную жену. Другие молчали придумывали сюжеты для племени: на камне проксиживали из проруби в прорубь, или в пальце, или в пальце, или в пальце, или в пальце, опускали руки в серую кислоту. Только выдумышливый неподдельный племенник мог сохранить силу и память после искальваний бедствий.

Услышав свою имя, он ухмынулся, блеснув золотыми зубами, но ничего не сказал.

— Вин немий, — шепнула Гапка Коржу.

— Чудной японцы народ, — сказала ледка Гарбуз. — Детей любить, работники гармы, а характер самий насекомый, жестокий. Кажутся, характеры. А до вово таке? Чи демонстрации духа, чо?

— Да.

— Ны, ни то.

— Дицинилан!

— Расстройство рассудка!

— Самурайская гордость!

Каждый спешно высказывал свое мнение. Помалкивала только Чжан Шу. Для кузнечи сотраг в жестокий юбак, подперев арбузиной, и вспомнил, что вчера в селе в расщепленой синей куртке, вязомый, деревянный, Маленький Аму засплюя у него на колене.

Наконец, гости услышали кашель и тоненький смех старика.

— Прощай зима, — сказал он медленно, — моя лохва одна линка канки. Линка думала всю ночь, потом говори: ладно, профай нога! Оттры и ушэя... Это тоже есть самурай?

Все засмеялись.

— Вот такие характеристи и мы тоже раз сделали, — заместила Баковсий. — Был нас четверо: Антонов Федя, Седых маладый и еще один сорб, Гансиков звали. Мы в отряде Сметанина с орудийной бойкой ездили.

— Бочкой?

— Да, Федя матят вала. В каждом дынице по дыре. В одну из карabinка холстным бичом, в другую газы входит, а звук... еб году, как глаубица! Наша бочка у Семенова в сходах за батарен ходил. Однажды встал на бочку и начал кричать: «Все вон из села на четырех лапах». Мы в оторвались — та же история. Вернулся в избушку, стоял отстреливаться, а говорю был старый — все патроны семеновцам, себе по одному. Все равно книжи на телефонную катушку намотали... Вскоре отстрелялись, стали прощаться... Да... Едут в нашу серб побледели: «Братушки, как же, патрон-то и вытрях-

Рис. П. Клеттенберг.

На выгоне, где собралось все село, сверкали клиники...

нуд?» А в дверь уже ломятся. Спасибо Федя сблизила. «Что же, — говорит, — сидим к столу, будем подавлять?» Вынула гранату, сняла и положила между нами. Вот так, как глачек стоит.

Рассказчик полез в печку за угольками. Все ждали конца истории. Но Баковецкий расправил трубку и замолчал.

— А что? Граната испортилась?

— Ну, как сказать, — ответил рассказчик медленно. — Про то из всех четвертей у одного меня можно спросить. Одни я живой остался.

— Ни, не то... Некий товарищ начальник разыскивает характеры.

— Хорошо, — согласился Дубах и вдруг, обернувшись к Гарбузу, быстро спросил: — Что лучше свалить: стол или дерево?

— Стол, — сказал кушеев.

— Вот именно, стол не имеет корней. Так вот, японский патротизм особого качества. Он не выращен, а окопан в землю насильно, как трава. Не знаю, как объяснять науку, а нам кажется, в основе характера лежит страх перед отцом, перед школьным учителем, перед богом, перед последними ефрейторами. Для японцев, по сути говорят, родина — маечка.

Баковецкому передали записку. Он быстро прочел ее и вышел на улицу.

— Смешно подумать, — сказал Дубах, — когда поднимались из-за стола, — чтобы кто-либо из нас, попав в базу, вскрыла себе пузо. Это же геройство?

— Та ни боже ж мой, — воскликнул Гарбуз, — нет у меня самурайского воспитания!

— А ну их в болото, — сказал у дверей Баковецкий и, отведя Дубаха в сторону, что-то шепнул.

— Где?

— В бане, у Игната Закорко.

Они вышли во двор и городами прошли к темной хате, стоявшей на самом краю села.

Хата называлась волчьей лягушкой.

На скамье, снесив голову, сидел человек в азиатской солдатской рубахе. Увидев начальника, он вскочил и вытянула руки по швам.

— Заарестуйте его, — сказал послешни золини. — То мой брат.

Начальник не удивился. В пограничных колхозах такие случаи были нередки.

— Ей богу, я тут не при чем. Скажи, Степан, я тебе звал?

— Нет, — сказал брат, — не звал.

— Вот видите. Чего я ты стоишь, чортов блазень?! Кажись... .

Сунан вадехнула и, повернувшись к начальнику спиной, подняла руки на плечи. Вся спина была в струящихся и ухин багровых руках.

— Понимаю, — сказала начальница. — Японцы?

— Да.

— За что?

— За ничего... За лучшую землю. Бильые неможно терпеть. Я ж русский человек, гражданин комиссар... Заарестуйте меня.

— Сучий ты сын, — с сердцем сказала Баковецкий. — Видно, без японского шомпола и совести не чешется!..

Я. НЕЖДАНОВ

Лицо буржуазной демократии

В буржуазной печати, французской и английской в особенности, очень часто можно встретить выражение «старейшин демократии». Под этим выражением подразумевается обычно Англия и Франция.

Что же собой представляет в действительности буржуазная демократия? Возьмем в качестве примера Англии и ее парламент, который считается старейшим парламентом в Европе. Каково подлинное лицо этого «народного представительства», кто эти 615 человек, которые заседают в палате общин, и как попали они в парламент? Представляют ли они английский народ, а если нет, то кого же они в действительности представляют?

У нас нет полных данных о социальном составе английского парламента, но даже неполные данные, опубликованные английским буржуазным журналом «Нью стейтмен энд бейш», достаточно красноречивы. Поддерживающие правительство партии (консерваторы, националь-либералы, националь-либеристы) представлены в палате общин следующим образом: 129 рыцарей (рыцарь — человек, живущий на процентах с капитала), 85 купцов и биржевиков, 17 представителей железнодорожных и судостроительных компаний, 6 директоров страховых обществ, 11 бакалавров, 16 промышленников, 10 помещиков, 23 офицера (замеса), 9 врачей, 6 отставных чиновников, 4 пивовара, 52 адвоката, 7 стряпчих и т. д., в том числе 45 титулованных особ.

А как выглядят оппозиция его величества, в частности либеристская фракция? 77 профессоров, 12 дедлов (биржевиков, купцов), 8 куператоров, 3 священника, 9 чиновников, 10 адвокатов, 2 рыцаря и т. д.

При этом на каждый мандат правительственно-го блока приходится в круглых цифрах 27 тысяч голосов, а на каждый либеристский — 55 тысяч. И еще одна деталь: по всей палате 1 рабочий — коммунист тов. Галадэр.

Настоящая демократия, подлинная неравная власть, существует только в Союзе советских социалистических республик. Права народа закреплены в великой Стальной Конституции, на основе которой страна наша готовится теперь к выборам в органы власти.

В статье тов. Я. Нежданова на примере Актива показаны лживость и фальшивое буржуазное демократии.

Заседание палаты лордов в XVII веке.

Таким образом, представлена ли в английской палате общины действительно английский народ? Конечно, нет. Но, может быть, английский народ представлен в палате лордов? Обратимся к свидетельству известного английского буржуазного политического деятеля либерала Раймонда Мюра, который пишет: «В составе палаты лордов мы можем различить 5 категорий. В первую входит 4 принца крови... затем идут наследственные пары... в третью категорию входят так называемые пары-представители (16 от Шотландии и 28 от Ирландии), четвертую категорию составляют духовные лица: 2 архиепископа и 24 епископа... и, наконец, есть 3 судебных лорда, которые занимают свои места по званию, их присутствие в палате лордов является необходимым, поскольку палата есть также и верхний суд королевства...»

Елья ли кто-либо рискнет утверждать, что никак не избираемые, а назначаемые королем члены палаты лордов, все эти князья, светские и духовные, графы, виконты и бароны, представляют английский народ.

Для того чтобы понять, почему состав английского парламента — мы имеем в виду избирательную палату общин — именно таков, необходимо поближе присмотреться к избирательной системе и выборной механике, которая существует в Англии.

Всю страну делят на 595 избирательных округов. Из них 576 округов посыпают в палату по 1 представителю, 18 округов — по 2 и 1 округ (шотландские университеты) — 3 представителя. Выборы в Англии — не демократическая вещь. В любом округе может быть выставлено несколько кандидатов. Каждый кандидат обязан внести залог в размере 150 фунтов стерлингов (по нынешнему курсу — 3750 рублей). В случае, если кандидат не собирает % всех голосов, залог пропадает. Таким

образом, совершенно ясно, что преимущество на стороне богатых кандидатов, богатых организаций. Кроме этого огромные деньги расходуются на предвыборную агитацию, на организацию митингов, собраний и т. д.

Вторая особенность английской избирательной системы заключается в том, что не все могут участвовать в выборах. Надо иметь определенный имущественный ценз и состоять в списках избирателей. Эти списки составляются властями имущими каждого округа два раза в год. Совершенно очевидно, что составляемые списки имеют полную возможность отсеивать нежелательные элементы.

Но самая замечательная особенность избирательной системы в Англии заключается в том, что там фактически нет перебаллотировок. Избранным считается кандидат, который получила больше голосов, чем его противник. Значит, для того чтобы быть избранным, кандидату вовсе не нужно иметь большинство голосов данного избирательного округа. В самом деле, если в округе, допустим, 50 тысяч голосующих, причем из них 15 тысяч голосами подано за кандидата «А», 17 тысяч — за кандидата «Б» и 18 тысяч — за кандидата «В», то избранным считается кандидат «В», а 32 тысячи голосов поданных фактически против него, по сути дела, оказываются аннулированными. Можно ли считать, что избрание кандидата «В» выражает волю избирателей данного округа? Разумется, нет. Здесь объясняется, почему в наименее развитых парламентах на каждый мандат правительственный блок приходится всего 27 тысяч голосов, а на каждый лейбористский мандат — 55 тысяч голосов. Так получилось, что правительственный блок, собравший на выборах 1935 года 11 791 461 голос, располагает 431 мандатом, в то время как оппозиция, собравшая 9 992 700 голосов, располагает всего 184 мандатами.

Понятно, кому выгодна такая система. Она выгодна капиталистам, в распоряжении которых мощный агитационный аппарат, в трех руках власть и деньги. Характерно, что коли-

чество избирателей в различных округах весьма различно. Так, в сельскохозяйственных местностях обычно избирательные округа меньше, чем в промышленных, и, само собой разумеется, помещики широко используют все свое влияние для того, чтобы прошел нужный им кандидат.

Надо учтывать и то обстоятельство, что в Англии практикуется система так называемого множественного голосования. То есть владельцы промышленных и торговых предприятий имеют право голосовать и по месту жительства и по месту нахождения своего предприятия.

Рамзей Мор, которого мы уже упоминали, следующим образом характеризует избирательную систему Англии:

«При существующей избирательной системе вердикт нации, полученный в результате всех выборов, бывает часто извращенным, причем самым изумительным образом. Если в предвыборной борьбе принимают участие три партии, то математически вполне возможно, что одна из партий может собрать наибольшее число голосов в стране, но все же не получить ни одного места в палате общин».

Таково свидетельство опытного буржуазного политического деятеля. От отношения к избирателям с нескрываемым цинизмом пишет Уинстон Черчилль в своей книге «Мысли и приключения». Рассказывая о том, как надо вести себя на предвыборных собраниях, он приводит следующие слова герцога Девонширского: «Я всегда считаю прекрасным следующее правило: когда вы являетесь на большое собрание, вы имеетеесь в присутствии, вы должны сказать себе с убеждением: «Я еще никогда не видел такого собрания проклятых идиотов за всю мою жизнь!»

Существующая в Англии избирательная система приводит к тому, что парламент фактически является послушным орудием в руках консерваторов, обычно получающих большин-

ство мандатов в палате общин. Так обстоит дело и сейчас.

Роль парламента в государственной жизни Англии, в сущности, весьма ограничена и неизменна. Возьмем такую область, как законодательство. Имеет ли парламент законодательную инициативу? Фактически, не имеет. По уставу, каждый член парламента имеет право (если ему повезет и председатель предоставит ему слово) раз в неделю внести свой проект законов. Но у правительства есть все возможности затянуть обсуждение законопроекта и похоронить его.

Законодательная инициатива принадлежит фактически только правительству, и правительство использует ее в ущерб парламенту. Законопроект чаще всего формулируется только в общих чертах, при этом он содержит ряд статей, представляющих главе того или иного министерства издевательства, имеющие силу закона. Таким образом правительство отводит парламенту роль органа... утверждающего все более широкие полномочия правительства.

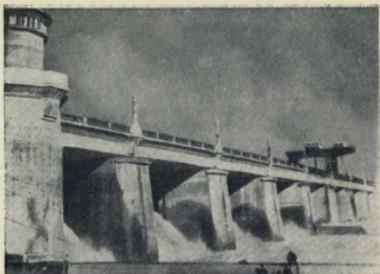
Так якоже выглядят в действительности старейший парламент Европы, эта двойная «стремительная демократия».

А ведь английской демократии кичится весь буржуазный мир. В других странах права населения урезаны еще больше. И действительно, во Франции женщинам до сих пор не пользуются правом голоса. Женщины не имеют права ни выбирать, ни быть избранными в палату депутатов.

В Соединенных штатах женщина не лишена избирательных прав. Но размеры коррупции, изпотребляемой на американских выборах, напоминают по своим масштабам новйоркские небоскребы и вояши у в поговорку. Пример Англии, не говоря уже о других демократических странах, показывает, как далека буржуазная демократия от подлинной демократии.

Уильям Гладстон (1809—1898), великолепный оратор и беспричиннейший из буржуазных политиков. Демократ и кардинал, он менял свою убежденность чаще, чем не ежедневно. «Демократические» учреждения Англии он использовал в своих личных целях и в целях той небольшой группы, с которой был связан в тот или иной период своей деятельности. Таковы традиции старейшего парламента Европы — традиции, дожившие до нашего времени. На фото: выступление Гладстона в палате общин.

Ивановская бетонная плотина на Волге. Неподалеку от нее начинается канал Волга—Москва.

ВОЛГУ ПОВЕРНУ

Вспомните, как начинается Волга? Память воскращает рисунок из старой книги. Гулкое болото. Мхи, трясина. Посреди болота, окружённая глинами изгородью, одиноко стоят часовенки...

Классные патриоты империи российской спбажали обычные эту картину слейшим описанием часовенки, где на стенах висел образ спасителя. О Волге говорили молитвенноименным тоном.

Белая русская река несмогла на молитвы и прничтания быстро мелеть и дряхлеть. Все труднее и труднее было ей тащить собственный грун тяжести. Река лежала. Судоходство сокращалось.

Население царской России неоднократно настаивало улучшить водные пути империи. Писались проекты и о соединении Волги с Московской-рекой «для удешевления водного пути из Санкт-Петербурга в Москву».

Сто десять лет назад была сделана первая попытка. Чиновники набросали проект «Сестрорецкого» в систему реки Истры (притоке Малой Сестры). Сестра (приток реки Дубны, впадающей в Волгу). Между Сестрой и Истрой начали рыть соединительный канал.

Восемьдесятский канал рыли целых двадцать четыре года. Уходили семь миллионов рублей. «И хотя для очевидчательного устройства системы требовалась сравнительно незначительные средства, мы не могли этого сделать», — писал Федоров в Эфории, — но с окончанием Николаевской железной дороги был возбужден вопрос о пользу этой системы, а в 1860 году окончательно было решено систему закрыть, а имущество и земли продать с аукционного торга...»

У современного читателя это решение может только вызвать улыбку. Как туда мыслить? Созданный большевиками канал Волга — Москва выпомнил сразу три задачи: он делает судоходной Верхнюю Волгу и создает новую транспортную магистраль; он снабжает столицу водой; — обобщает Москву-реку.

Но это — не все. Ведя канала Волга — Москва, второе звено грядущего ставленским плана реконструкции всех водных путей страны. Оно же, как известно, этого плана слало еще более могучей нашу родину.

Первым звеном был Беломорско-Балтийский канал, имени товарища Сталина. Второе звено — Волга — Москва. А на очереди — Волга — Дон, Большая Волга, Большая Ангара...

1931. Июнь. Плану ЦК ВКП(б) принят решенье строить канал. Строительство поручено Наконечникову.

1933. Сентябрь. К правому берегу Волги, вблизи деревни Ивановка, причалила моторная лодка: приехали первые строители.

1937. Май. Канале пришли по каналу первые теплоходы с Волги.

Величественный судоходный канал Европы построен в четыре года.

Задолго до того, как настоящий Волга постек к Москве, в Дмитрове, в датированном кирпичном погребе, в подвале, сооруженном из плит и шлаков, десятки и сотни раз они плавали, останавливались и поворачивали в разных сторонах комнатный Волту.

Инженеры помнили об огромной своей ответственности перед страной. Их наука — гидравлика — не дает пока ответа на все вопросы, связанные с действием воды на сооружения. С другой стороны, были известны случаи взрывов раковин не только земляных, но и жестясоболтковых плотин.

Существует закон механического подобия. Маленькие модели плотин и шлакоз, подвергаясь действию струй в лаборатории, ведут себя точно так, как их бетонные братья на реальной будущей водной магистральной реке.

Этих опасений избавлялись гидротехники. Они проводили серии испытаний. О том, как вели себя миниатюрные плотины и шлакозы, немедленно сообщалось в штаб стройки. Проекты подлинных плотин и шлакоз исправлялись и улучшались.

Нам рассказывали также об инженерах-бетониках. Они своими руками перебрали буквально

Будущий историк, описавший строительство канала Волга — Москва, должен будет отметить, по крайней мере, три даты:

УЛИ К МОСКВЕ

М. ГОЛЬДЕРГ

Фото И. Гущина

№ 225*

но горы гравия. Они ощупывали каждое зерно, отсортировывали кучевые породы.

Гравий, как известно, — основная часть бетона (а бетона нужно было уложить на стройке три миллиона кубометров). Хороший гравий не должен бояться мороза, он должен быть, как говорят техники, морозостойчивым. Инженеры прошли две стопы замораживания и оттавивания гравия в бетоне. И только после этого сказали:

— Нам дадутся вот этот гравий — и никакой другой!

Они сделали бетон непобедимым для воды.

А сегодня Иваньковская бетонная пластина (вместе с земляной дамбой) уделяет своей грудью Московское море. А Московское море — это не образ, не метафора, а весьма реальная вещь. Московское море затопило территорию в 327 квадратных километров и заставило сникнуть с некогда насыщенного места целый город и десятки деревень.

Разница в уровне по обе стороны плотины составляет около 18 метров. Иначе говоря,

Московское море, где и начинается канал, на 18 метров выше нижнего течения Волги.

Пароходы, идущие сверху, из г. Калнина, могут свободно заворачивать по Московскому морю в канал.

Но те пароходы, что приходят со стороны Рыбинска, должны подождать. В бетонной дамбе шлюз № 1 они как на лифте поднимаются на прибывающей воде. Когда вода достигнет уровня Московского моря, ворота шлюза пристычат в бетонную нишу и пароход выходит в аванпорт.

Когда мы поднялись на Иваньковскую плотину, я любовался величественной волной речной, был яркий, солнечный день. С высоты примерно шестистатунного дома открывался морской простор со сквозным горизонтом, лишь где-то защищенным лесом.

Зоркий глаз мог различить в голубоватом мареве пять островов. Туда, на острова, сегодня еще беззимненны, привезли северянине. Задание охотников у них получилось — на утка в камышах «московским архипелагом».

Мы дошли до середини плотины. Впереди появился дождь. Попережими снял соломце, голову я забыл, а дождь хлестал нам в лицо, обдавая мириадами острый капель.

Стихия бушевала внизу. С другой стороны плотины, вдали, виднелись изогнутые щиты, с греком начинялась Волга. Белое облако водяной пыли стояло над нею.

Волга! Как же ты помолодела! Ты похожа на линий горный поток, ты утратила всю свою степенность и плавность...

По-новому звучит сегодня ласковое слово, каким называли Волгу столстинами, — корнилья. Корнильи заводов и фабрик, могучая сила, двигающая станки и трамваи, зажигающая свет в коммуникациях.

Через полвека лет, когда будут построены Угличская и Рыбинская плотины, Большая Волга станет одним из самых мощных источников электрической энергии в стране. Слава первенства принадлежит здесь Иваньковской

Под руководством молодых командиров производств, инженеров и техников был сооружен один из ответственнейших узлов канала: шлюз № 4 и насосная станция. На снимке: тов. Н. Фадеев, начальник консольмского участка, и молодой инженер Сидоренко, прораб бетонных работ.

плотине и ее гидростанции. Вместе с самими оставляемыми гидростанциями канал соединяется на перепадах водной высоты и водосбросом, что дает Москву первый волжский ток.

По каналу Москве нужно много энергии. Ярко сияют огни в огромных домах, парках и тоннелях метро, гудят ночные заводы. Складная нужда в энергии ощущается и по утрам, когда позади холмов начинаются работать предприятия. Сточные каналы, в которых вода износившихся часы плавают в три раза выше стоящего, вспахиваются в остаточное время суток. И тут приходит на помощь Волга. Она отдает Мосснерго всю свою электрическую силу.

Но каналу тоже нужно энергии. Его траса проходит по Дмитровской земле, Балашихинской возвышенности, в которой каналы, как называют водораздельный боец, где лежат огромные «зерна» водоразделника, —воду надо помыть насосами со ступени на ступень.

Будь это в СССР, а капиталистическая страна, ложные ладьи сумели бы извлечь из этого «противоречия» спекулятивный барыш. Но мы живем в социалистическом государстве.

Хозяин здесь один.

И этот, рабочий, земледельческий хозяин разбирает, что пусты насосные станции работают в те часы, когда Москва не ощущает необходимости энергии, а канал пусто возвращает свой электрический дар Москве в часы пик.

Насосные станции берут в два раза больше энергии, чем получает от канала Москва. Но зато они берут «дешевую» энергию, а платят Москве «дороговую».

Итак, город и канал живут.

Получается, что Волга как бы сама встаскивает себя на высоту в 40 метров. Чудо! Потом Иначе чудо называется социалистическим планированием.

* * *

Однако простижим с аэропортом и плотиной на каналу побывать просто в Москве.

Первым кратером Волги стала остановка бывшего каторги Губкин, который прорезалась иногда свистком паровоза. Где-то рядом бежит паровоз по волжской ветке Самарской дороги. Встук ту канала магистраль проложила три года назад в диком лесу. Там маленькие станции с германскими названиями: «Соревнование», «Техника», «Темп».

Городские власти на берегах возникли вдруг с обеих сторон широкой насыпи. Смотришь на карту: правильно, здесь, под каналом, протекает река Сестра. Вон виднеется край широченной железобетонной трубы. Река бежит в трубе под синей лентой канала. Ее затянутые воды в канал не проникают.

Снова появляются прямые берега, откосы, взмылающие камни, склоняющиеся скверу зеленой деревни-бордюром.

Впереди вспыхнуло белые башенки — шлюзы № 2. Здесь наш катер берет первую ступень водной лестницы.

На канале побывало еще очень мало народа. И у многих нет даже представления о том, как расположены в нем сооружения. Многие, например, уверяют в том, что насосные станции стоят на берегах канала, у самой воды, но когда плавают суда. Но если бы это было так, никакое судоходство по каналу не было бы возможным.

Вокруг каждого шлюза от канала отвечаются отростками — отводящий канал. Вода по отростку поступает в засасывающие трубы насосной станции, здание которой стоит в стороне от судового холма. С самолета доименно кажется, что каналы уходят развалом. На этой ветке башенки шлюзов на другой — массивное широкое сооружение с двумя корпусами, соединенными анкером.

Насосная станция и с виду велика — почти четырехэтажный дом. Но войдите внутрь. Здесь вы можете убедиться, что станция имеет всего один этаж.

Монтажники ходят по бетонным коридорам, где стены не отвечают на стук: над головой — вода. Почти на четыре этажа под воду уходит насосная станция.

Нам очень хотелось увидеть знаменные пропеллерные насосы, но они были заняты делом: качали воду. Инженер любезно разъяснил

нам, что они покоятся на обыкновенных требующих винтах. Их особенность — плавающие апласты. Благодаря этому конструкции насосов получают приспособления, применяемые в насосах обычных. Кроме того они отличаются огромными размерами: диаметр рабочего колеса — два с половиной метра. Каждую секунду насос вспыхивает в первом отростке отвода канала две тысячи ведер воды. По трубе, в которой стремительно поднимается волна, стоял, мог бы свободно проходить альянтской стол.

Сегодня на насосных станциях еще работают монтажники и электрики. Через месяц — другую станции опустятся.

В Яхроме, в диспетчерском пункте, дежурный намечает рабочую на пульт управления. Часы показывают секунду в здании, отделанном из Ильинских лестинками километров, начнут твориться чудеса.

Спустя час в гудение гудят двигатели, потом самоприводные закрутятся в своей трубе насос. Как в волшебной сказке, окнившись механизмами. Лебедка поднимет массивный многотонный щит, закрывающий доступ воде.

Станицы зароботают. Еще через несколько минут вода будет уходить из второй, третей, четвертой, пятой станции. Не в сказке, а вправду «по маковению падица» диспетчера Волга начинает течь к Москве.

Еще не веде снятых леса. Лишь при отдалении можно угадывать стиль канала, его архитектуру.

В автопорте мы видели на откосах дамбы огромные монояды. Из них висят гранитные статуи Ленина и Сталина. Могучие фигуры будут четко рисоваться на фоне неба и воды. У Влахернской нас поразили своей стартой торжественности высокие башни крепостных ворот. Кто бы мог подумать, что умбрачная арка встречает приближающиеся к ступице суда. А вот страйбкая легкая башенка с колонками, увенчанными советским гербом. На окнах — узорные решетки. Проплынет над головой легчайший, однолопастный жеоднодорожный мост... Монументальность и легкость — что можно угадать?

Димитровградский город. Былия купола церкви, купола, обрученный скелетом архитектурного кремля.

Димитров второй раз входит в историю. Делоса штаб гигантского строительства.

Скоро славные народководцы доведут до конца задачи партии и правительства. Готовый канал будет передан Наркомводу. Но изменившаяся история страны не будет забыта. Образы ее героям: мужественны, бесстрашны.

Канал пройдет уже в селе Шукина. От автопorta пройдено 128 километров. Канал кончается.

Здешние чекисты; талантливый инженер-изобретатель; бывшие проститутки, перевозившие ссыпью в творческом труде... вдохновляют склады, художников. На мемориальных досках, прикрепленных к башням шлюзов, золотом засияют имена стахановцев стройки. А на берегах Химкинского водохранилища будет создан музей строительства канала Волга — Балка.

После Дмитрова пейзаж резко меняется.

Ильинская nemota лесов и болот. Насколько быстры асфальты, холмы, анины вымощовальных переклад, поселки и деревни.

С короткими промежутками мы проходим подряд четыре однокамерных шлюза.

Наконец, за зданием села селится склады, химический завод, шлюзы, шлюзы, водоразделы.

Мы достигаем так называемого водоразделного бьефа канала. Больше вспыхнуть на вы соту не нужно. Наоборот, скоро начнется спуск. А пока наш катер легко бороздит голубую гладь искусственного озера. Ильинское водохранилище. Пестовское, Плавское... С борта катера нельзя увидеть Архангельский водораздел, но же видеть можно водоразделный бьеф. Лежит оно к востоку от канала, защищенное толстыми земляными плотинами. Да мильярда девятьсот миллионов ведер — реверсивный водный ферзь столицы. Еслас бы по чему-либо канал перестал подавать волжскую воду, Москва сумела бы целый месяц жить из Архангельской области.

Сейчас в санях Москва. Ее приближение очущимо.

Автомобилем машинист летят по мосту, через который проходит в этом месте Дмитровское шоссе. Самшиты гудят дачных поездов. С близкого, Тушинского аэродрома взмывает самолет. Химкин. Северный порт.

Прекрасное здание речного вокзала. Его крымата архитектура широка и радостно пространственна. Красиво. Где широкие искрятся пятиконечные звезды.

Банка Москва-река. Канал круто спускается к ней новому Покровского-Стрешнева.

«Машинная» река окончилась. Теперь вода идет самотеком.

Но последние километры канала — щедр на чудеса. Разве не прекрасен — узкий канал Волоколамского шлюза? С всеми своими автомобильными, мотоциклетными, пешеходными, ширеет под канал и вспыхивает с противоположной стороны. А над шоссе и каналом третьим взваливает лист легких железобетонных мост Каининской дороги...

Катер плывет уже в селе Шукина. От автопorta пройдено 128 километров. Канал кончается.

Здравствуй, Москва!

Над этим гонгелем текут воды канала Волга—Москва (участок Волоколамского шоссе).

Старая и новая ВОЛГА

Рисунки, собранные на этой странице, сделаны художниками Дмитровского лагеря Наркомфина. Авторы их—каналоги, строители канала Волга—Москва, люди, испытавшие глазом свою вину перед пролетарским государством. Алексей Максимович Горький с огромным вниманием и любовью следил за развитием художественной самодеятельности лагерников. Под его непосредственным покровительством возник и окреп литературно-художественный журнал лагерников—строителей канала Волга—Москва—«На штурм трассы». Авторы рисунков: Е. Веселовский, А. Мареша, А. Келлер, В. Елики, К. Соболевский, М. Усманова—являются членами актива журнала «На штурм трассы». Тема старой и новой Волги, конечно, не исчерпывается в этих белых зарисовках. Перед нами лишь отдельные детали большого замысла. Желаем молодым художникам, рожденным героикой Волго-Московского канала, удачи в работе.

Здесь
все,
что каждое здание
вышило,
задумано им
и вечно им.
Здесь
каждая башня
Ленина смысла,
За них
пошла бы
в огонь и в дым...»

Подавленные, согбенные идут люди, готовые отдать жизнь за одно его дыхание.

«...Но нет чудес,
и мечтать о них нечего,
Есть Ленин,
гроб
и согнутые плечи.
Он был человек
один конец человеческого...»

Вместе со всеми, такой же, как все, шагает поэт Маяковский... Мы, читатели, шагаем рядом с ним, рядом со всеми в торжественном ритме марша. И вот наступает минута пропущения:

«...Затихла
дыхание и пенье,
и страшно ступить —
под ноготь обрывы —
бедорный обрыв
в четыре ступени...
...Что увидишь?
Только лоб его лишь,
и Надежда Константиновна
в тумане за...
Может быть,
в глаза со бес слез
увидеть можно
больше.
Не в такие
и
смотри глаза.»

Таким вот поэт, который всеми умом и сердцем был со своим временем, своей народностью, то ли для всех, то ли для горе, выражение было языком разности и горем, только такой поэт может воссоздать событие, потрясшее народ. И даже в минуту величия горя это чувство общения, блаженства со всеми, чувство смириения со страной дает поэту ощущение высокой радости:

«Я счастлив,
что я
этой силы частица,
что обиже
даже слезы из глаз.
Сильнее
и чище
нельзя пристичься
великому чувству
по имени —
Класс!»

Похороны Ленина — высшее, кульминационное, решающее место поэмы.

День похорон вошел был решающим, поворотным днем в жизни многих. Пройдя сквозь минуту величайшей скорби, простираясь с мертвым поклоном, люди шли продолжать ее малоизвестную бесконечность — жизнь. А дальше? Рядом с сиренами, как из-за ворота подъезда заявление в партию, шла с красной фасолией поэт Маяковский. Его долгом — долгом поэта и гражданина — было поэтически «разминожить» то, что сегодня видел».

Маяковский выскочил испуганный, не исчерпавший страсти, не во всех подробностях, он поэтически рассказал о самом Глинином — о кровной связи Ленина с народом, с классом, национальным в победе, с грядущим счастьем человечества.

Он рассказал об этом на языке, понятном всем, всем доступном, на языке нашей современной поэзии — языке публики.

Позже Агния написала вдохновенно и просто, без упрощения, снижения, вульгаризации, во весь мощный поэтический голос Маяковского. Эта поэма — блестящее доказательство прав Маяковского на звание «лучшего, талантливейшего поэта нашей советской эпохи», как сказала о Маяковском великий продолжатель дела Ленина — товарищ Сталин.

ТАМАРКА

М. ДАЛЬЦЕВА

Вчера я была на свадьбе у Клавы Соколовой. Я там хохотала... так хохотала...

Муж совсем старый, лет 35, и все кругом взрослые. Клава за стол, выпила по рюмке водки, сказала: «Слушай, Клава, я бороды не имею, а бороды — это бороды!»

И Клава с тем пододвиновалась. Прыгнула. Ох, и хохотала...

Зачем это нужно, и не того, ни сего деловаться?

Потом завели патрон, начали танцевать. Я тоже танцевала с одним военным, а потом двое танцующих кавказского музы напились и поссорились. Один машил бутылкой кричит:

«Держите его! Я буду егоить по морде и по лицу!»

Ну, их нахалы разнимать, а Клаве, видно, как-то непривычно стало, она увела меня в другую комнату. Тут я ей и говорю:

— Зачем тебе нужно замыкать выходить из десантного класса, школу бросать? Смотри,

полуслыша с собой такая штука, как с Тамарой-кой.

Я всю историю с Тамарой с самого начала знала и сама из-за нее немножко помучилась.

Еще в восемном классе с самого начала училась на высокий год Тамарка, мне и Кате Шварцко не захотелось уступать, поэтому прискалькали, прискалькали к нам бабы один: она с первого года запустила математику, еслас-с «кудоткой» переползла в другой класс, а дальше нагоняла у нас хотелась. А Тамара в это время познакомилась с какими-то художниками. Не с насточниками, которые картины рисуют, а — такими, какие видят и оформляют...

Тамара приехала в этот день к художникам. Они висели баллы. Но пока кумчук расстался и мажут белым по красному огромные буквы, а сами все время острят, смеются, друг друга дразнят. Конечно, может быть, они были совсем искреннистами и даже плохие люди. Это и сейчас так думают, а тогда нам казалось, что вот они есть настоящая элита.

Художники ревниво устроили вечеринку, даже не вечеринку, а маскарад. Они нам костю-

мы нарисовали красивые, но, по-моему, непривычные. Тамарка — тускнеющие чешуйки, с пасхой с краю, синевой в полу яблока. Красивые, довольно облизанные, но шароваты головы, а Кате — и воне кулинарный костюм из черного бархата, а на него голый ромб. Когда художники первый раз показали нам картинки, мы с Катей стали кричать, что не находим, что очень странно, а Тамарка сказала, что там нарисованы кастеря и касторы, и мы смеялись громко и весело. Я потом узнала, что она это вычтала из книжки «Мужчины и женщины», которую ей Алекса-художник давал. Что такое «финистеры», я тогда не знала, но мне представились какие-то противные насекомые. Было совестно, и как мы похояли на них, и Тамара нас быстро убрала.

И дальше история с постингами: матерю достает пегас, купит мы не можем. Решали выкладываться из дома что-нибудь, постингом ставить, а шить собирались у Кати: у нее малярка в командирской уехала, а сестра со службой в шесть часов приходила. В шезлонг руки ложились, мы перестали смеяться, да художники не заставили нас сидеть у Кати, пинали за переднюю лопасть костюма и метчали, какой у нас будет балл, что скажут нам художники и как мы им будем отвечать. Больше всех Тамарка разлагала гостинства. Она была очень разината, смехая и даже способная. Я помню, ее как-то в седьмой группе ребята начали требовать «записки в память». Она запахнула гаунтлеты по линии отставки. Так Тамарка в две недели пологала все, что было запущено, и поспела целый год по химии отвечала на «отлично». Тамарка много читала, особенно любила «Минерву» и «Диану» Генриха Мана и еще «Монику Лербес». Она говорила, что писавшие эти книги были свободны, талантливы. И мы все трои почему-то думали, что мы очень плавательные, а свободы — это чтобы в школу не ходить.

Так мы почти две недели в школу совсем не ходили. И вдруг получаем письма: вызывают на письменное собрание. Родители устроили пикеты у школы. И мы сидели в коридоре. Ну, у меня дома сидела получаса, мама плахла, папа кричал: «Ну об этих хотят бы, потому ты учиться не хочешь!» А я молчала. И обижались все на словах трудно было и рассказывать стыдно, что мы ничего не делали, и вообще счастья не было. Даже Валерка, наудинный брат, ревел.

Мы на собрание немножко опоздали. Я сначала не слушала, что наши комиссары Дедя Хомякова говорят, а все оглаживались. За стол-

Тамарка привела нас к художникам. Они веселые были. На полу кумчук расстался и мажут белым по красному...

Принес муж, высокий, лаский. Я сидела на диване...

лом—комсомольский комитет. Все большие работали на десятках кадров. На скамейках все наши сидят, а из взрослых только катина мама и тамаркин отец, такой сердечный военный. Он очень ответственный.

А Аеля все про нас говорит, что мы за первое полугодие почти три месяца пропустим, учиться не хотим и никаких общественных интересов у нас нет. А потом как махнет рукой и говорит:

— Да нет, этого не может быть, чтобы они все время в поисках плавали... Ну расскажите же сами, как вы делали, потому что в школе ничего не было?

Мы молчали. И все молчат. А потом катина мама встала и рассказала все-все: и про kostюмы, и про художников, и что женщина должна быть свободной. Так глоу получилось... А ребята еще хохотали...

И тогда взяла слово тамарка отец. Он так замечательно говорил, что я даже теперь вспоминаю его слова. Каждый говорил о своем, а мама нас может пройти вся жизнью и мы только уродем друг друга. Он говорил, что ему стыдно за себя, что он не сумеет воспитать как наяду doch. Он так кричал, всхлипал, кривился, что я ревела. Я ревела, а мама смеялась, а тамарка уж и выдергала и заревела. Я ее хотела утешить и говорила:

— Какой у тебя замечательный отец...

А мама сказала:

— Вот тебе и замечательный, а он со мной ведет как на собрании разговаривает... Мне все равно, что бы он ни говорил. Вот мама у меня была ласковая...

И заплакала еще спаснее: мама у нее умерла, когда мы в четвертом классе были.

На нас с Катей это собрание очень подействовало. Мы сидели и слушали, слушали, а нам все равно не занималось и все смеялись над нами, что мы не хотим на базе художников жить. А через неделю она сказала, что отец отсыпал ее в тетке в Ленинград и она тут будет учиться.

Писем из Ленинграда она нам не присыпала. Всегда было доложено, что ее не было. Учитель говорил, что Тамарка—трудная, глупая, что она всех плохо влияет. Мы с Катей стали почти хорошо учиться, гласности нам через месяц отдали обратно, и к концу года мы перешли в первый класс и сели заново.

Осенью я встретила Тамарку на улице. Я даже не узнала ее спасшея. Соскак на корсете: туфли накрашены, меховая кофта и ботинки сапоги. Оказывается, вышла замуж в Ленинград-

де за инженера и теперь мужа перевезла в Москву. Ее стала расспрашивать, как она живет и вообще, как это интересно замужем или нет? А как-то она мне сказала, что я тоже должна замужем, в Тамарка—ведь все говорят, что я...

Тамарка говорила, что теперь почти каждый вечер в театр ходят, гости у них бывают и хорошо, что не надо учить уроков и думать, что тебе влезет, если в школу не пойдешь. Она приглядалась мени в себе, и мы покоролись.

Я шла потом по улице разочарованная как будто я виновата в том, что я никому не замужу, то это будет по особенному и виден всем другим. А Тамарка была похожа сразу на всех сотрудниц, которые у мамы в буфетах сидят. Тебе и Монике Лербене. Вышли замуж, в гости ходят...

В школе все удивлены, что я никому не замужем, а мама вспыхнула ее. Татьяна Васильевна Павлова (она влюблен в нее был) сказала:

— Другого и ожидать от нее нечего... — науда губы и с уроками сбежала.

Через неделю я зашла к Тамарке. Она обрадовалась, стала мене про все рассказывать и мы ходили на базу художников, чтобы поговорить, что она никаково не изменяется. Потом она стала свои пальты показывать, сказала, что хочет пению научиться, и все с "Петром" наизусть.

«Профессия жизни для меня в труде—
Потому имею хорошие везде...»

Голос у нее негромкий, но она така здорово пропела, что получалось интересно. А потом принес муж. Высокий, лаский. Я сидела на диване. Юбка короткая, и, как нарочно, чулки толстые, в рубине. У меня одна парта была остальная, мама всегда говорит: хорошие, тепленькие... А и ты терпеть не могу. Вот муж посыпал мне на ноги и говорит:

— А вы когда больше любите: папу или маму?

Как у трехлетней спрашивает. Я покраснела и отвечала:

— Николай Островского.

Он и замолчал. А потом походил по комнате, покраснев, и говорит:

— Ну, кажется, спать пора...

Тамарка разомчкала:

— Я не хочу спать!

— Не хочешь — не надо, а я лягу.

Я пошла домой. В прихожей Тамарка стала чего-то смущаться, а потом сказала:

— Это у меня не последнее время, а так он виноват...

Я ушла и больше решала к ней не преклонить. Но понравился муж очень. Кажется, наименее скучный. В школе я даже никому про этот случай не рассказывала. Сначала както непривычно было, а потом просто забыла.

Проще всего было сказать, что я учусь в химическом институте, во втором, стала отличницей. Я всегда учусь неважно, и было как-то все равно, что обо мне думают (у нас подчиненные ученики никакого

авторитета не имают). И вот, когда я химики занялись ремонтом, решила стараться во что бы то ни стало без экзаменов в институт поступить. Правда, заниматься было очень трудно. По шесть уроков каждый день готовить, а тут еще и ремонт, и ремонт, и ремонт. Я теперь занимаюсь в пятых классах.

Одни раз поздно вечером, нау из школы по Петрапольским прудам. Шумно. На катке духовой оркестр играет. И вдруг кто-то меня хватает за руку. Смотрю: Тамарка, бледная вся и почему-то в пласти. Как я ее знаю. Мария. Я и ее стала разговаривать про школьные дела, про поганый вечер. Она молчит как будто не слушает. Ну, думаю, плохое настроение, надо что-нибудь смешное вспомнить. Стала рассказывать, как Петя Ковалев спутал слова Дмитрия Самозванова: «И шутят и вьются и пинют, эмэ, совсем эмэ...» А она улыбнулась и предрекла мне: «У меня ребенок будет.

У меня ребенок будет.

А потом занялась. Я ее утешаю, ведь это очень хорошо, что ребенок, и интересно даже. А она вдруг как озаримается:

— Читать хорошего-то? Что с ним делать-то буду?

Я ей говорю, что в коляске возить, мыть его. Ну, а когда вырастет, — читать учить. А она притихла и будто про себя говорит:

— Да читать-то я его, может, выучу, если до тех пор сама не разучусь.

Я засмеялась: как это она разучится, если все-таки письмена не помнит, а она разозлена и письмена и помнит:

Тамарка, ты смачливая, ты ладишь, будешь учиться, я с мужем жить не могу. Ему ничего интересного он не замечает, в каком я настроении бываю. Думает, женщина конечно. Туфли мне купила. Правда, какой, если гостей не было, гостиница, и спать...

Слышала я, что Фаня Самозванова говорит: как Фаня Алехина, выиграла да проявую защищать Нижнедевицк. Шахматистка проявила... А же-же — про порты. Одна женщина-общественница предлагала мне в столовую работать. Мы, горючие, должны помогать национальным музеям, а мы не можем. Но я не хотела, потому что моя мама сама по себе не умеет. Я, может, сама смотрю почтение всяких мужей работать. Теперь, Мусычика, у меня ребенок будет. И я просто не знаю, что с ребенком делать. Ну, чему я его научу, и как это воспитывать. Но я не знаю, какую книгу выбрать. И я хочу и хо-чую сама чего-нибудь уметь. Мне с мужем скучно, потому что я не умею...

Я говорю, что это ясно. Если с мужем жить не видая и он ее за все считает, — значит, нужно уходить и учиться.

А Тамарка отвечает:

— Это по-твоему все ясно. Ты думаешь, все на снеге, как таблицы умножения. Ты, может быть, теперь и развитее моя, но я стала на десерт в старие ткани. Куда мне с ребенком деваться?

Ну, я думаю, что с этой спорят, она такая расстроенная, иjak лиши ее уединя, а от мужа надо уходить, это ясно, конечно. Она помочь должна, помочь...

— Продовки меня к отцу она не имеет, и не ее виной, по обрадуется, что я от мужа ушла. Однажды я сидела в кресле в Ленинграде, лампа вышла и уничтожила бисерную, из себя вон выхолла. Сама себя губишь, говорит, женился люди сознательные, а там еще протопластила, а он обнаглел. Ничего хорошего из этого не выйдет. А тебе застудилась, говорила, что с мамой не было, а я с мамой...

Завтра — самое лучше. Думала и все-таки. Никто мне не мешал жить правильно. Скучу было, все необыкновенного хотелось...

Я ее к отцу отвела. Только зайти постеснялась. А на другой день она сама ко мне привела и сказала, что отец велася к нему передвигалась.

Теперь она поступила на курсы подготовки в путь. Двухгодичные. И уж заранее старалась, что четыре месяца по декрету пропустить придется. Но очень хочет, чтобы ребенок поскорее родился. Все-таки, говорит, если он у меня будет, не так обидно, что я от него на две недели отсутствую. Стала говорить, что я отец виноват, и уничтожил ее трущее землю. Но она насторожилась, она и с ребенком всего добывает, а от Казана...

Она может раскиснуть. Вот не поправится ей замужем, а она все равно будет теорет и на жизнь жаловаться, как моя мать. Ни к чему вто, по-моему.

ШАХМАТЫ

Отдел ведет А. ГУГЕЛЬ

II МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНКУРС ДВУХХОДОВОК «СМЕНЫ»

Задача № 38.

А. Г. Орешкин (Саранск).

5-й приз.

Белые, начиная, дают мат в два хода.

Задача № 39.

И. Кацапов (Москва).

6-й приз и специальный приз для начинающего автора.

Задача № 40.

А. А. Батурина и А. Н. Альюв
(Воронеж).

7-й приз.

Белые: $Kpb7$, $Aa4$, $e7$,
 $Cb4$, $b7$, $Kd1$, $g7$, $d2$, $f3$... (10)
Черные: $Kpd4$, $Fb2$, $Aa2$, $a5$,
 $Cb8$, $Kb5$, $g4$, $p6$, $h6$...

Мат в два хода.

Задача № 41.

В. Н. Туруни (село Переялоб, Саратовской области).

8-й приз.

Белые: $Kpb8$, $Fb7$, $Aa4$, $b6$,
 $Cb1$, $g7$, $Kc4$, $e3$, $p5$... (9)
Черные: $Kpd4$, $Fb2$, $Aa2$, $a5$,
 $Cb8$, $Kb5$, $g4$, $p6$, $h6$...

Мат в два хода.

Фамилии читателей, приславших правильные решения, будут напечатаны.

КАРЛИКОВЫЕ ПАРТИИ

Гамбиты.

1. $c2-c4$
2. $d2-d4$
3. $c1-c4$
4. $Ka1-f3$
5. $Ca4-i7+1$

И. Мирес.
И. Экнист.

С. Б. В

1. $c7-d6$
2. $Kb8-d7$
3. $g7-e6$
4. $Kc1-f2$
5. $Ca4-i7+1$

Редакция «Смены» просит читателей присыпать встречающиеся в их шахматной практике «карликовые» партии. В «Смене» будут регулярно печататься партии-миниатюры.

4. $d2-d4$
5. $Kb1-f3$
6. $d4-d5$
7. $Kf3-e5!$

К्यб-сб
Сб-е4
Кб6-с5!
Сдасася.

Задача № 30. К. Минифалья.

1. $Fb7-b5!$ В двух парах вариантов проходит разыгрывание коня и пешки.

Задача № 31. Его же.

1. $Krb6-5!$ Пять любопытных вариантов с пешками белому королю.

«Случай из практики». Белые берут обратно свой последний ход — $g5-h6$ (роировка) и вместо него играют $g5-h6$ («на проходе»).

РЕШЕНИЯ (СМЕНА №№ 1 и 2)

Задача № 32. Б. Химилева.

1. $F3-e3?$ В варианте 1. — 17—

б6. 2. $F7-e1\#$ проходит так называемая тема «кладбища»: черные, зайдя в ладью, вынуждены фигуру по одной линии, но перекрывают ее же по диагонали.

Задача № 33. Б. Назарова.

1. $Fb7-b5$. Небезинтересная ми- ниатюра.

СОДЕРЖАНИЕ

А. Далецкий. — Юмено (рассказ). С. Диковский. — Патроты (рассказ). А. Альев — Комсомольчане (очерк). Я. Нежданов. — Лицо боруканной демократии (статья). М. Голдберг. — Волгу поведури в Москву (очерк). Ю. Нейман. — Лучшая поэма Малюковского (статья). М. Даавенса. — Тамара (рассказ). В. Винторов. — Как работают Курикники (очерк). Гроссмейстер С. Г. Тартаковер. — О здоровье шахматиста

(статья). А. Семенов. — Книга, которая пережила века (рецензия). — Словарь читателей «Смены». — Шахматы.

Оформление номера — В. И. Урин.

Рисунки: И. Гриништейн, Д. Красильников, Н. Алиса.

Фото: А. Морозова, Д. Дебабова, И. Гущина.

На обложке: шахов № 8 на канале Болга—Москва, фото И. Гущина.

На обороте обложки: Московское море, фото И. Гущина.

Отв. редактор В. А. Герасимова

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24, тел. З 33-24

Зам. отв. редактора М. Л. Гольдберг

Сдано в набор 29/IV — 37 г.

Подписано к печати 23/V — 37 г.

Формат 72 × 110 см. 3 печ. л.

98 000 экз. в печ. л.

Уполномоченный Главлитта № Б — 10918.

Выпускающий Н. В. Меркушев

Изд. № 425.

Зак. № 946.

Тираж 45 000.

Типография газеты «Правда» им. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Цена 1 рубль.

